

КОНЪЮНКТУРА

невмоготу, а ему ещё взвалили на спину осла. Вам на спину взвалят ещё немножко того, с чем должен был бы бороться федеральный центр, но он считает, что это не его барское дело.

Откуда брать деньги — непонятно. Долговые рынки, с учётом «замечательных» суверенных и субнациональных рейтингов, потеряны, там ловить особо нечего. Опять-таки налицо надежда на авось, на то, что пронесёт и все неприятности закончатся через два года.

Мой опыт подсказывает, что, наверное, такое возможно. Но только в том случае, если будет найдено дипломатическое решение проблемы, которая привела к санкциям. Если нет, то поживём мы ещё два года и в ту же самую «миску с помоями» уткнёмся на третьем году.

Может быть, в течение этих двух лет возникнет какая-то случайность. Помните, в фильме «Фанфан-Тюльпан», когда войска противника внезапно развернулись, маршал сказал: «О, это та самая случайность, на которую я рассчитывал».

Но из цифр, характеризующих экономику, совершенно не видно, каким образом без такой случайности вырулить. По сегодняшнему сценарию в 2017 году мы «съедим» резервный фонд. Дефицит бюджета прогнозируется на уровне от 3 до 6% при стоимости нефти \$60 за баррель (это нижняя граница рационального среднесрочного коридора).

Сколько в таких условиях можно жить? Белая полоса — чёрная, белая — чёрная, как шкура зебры, а дальше — хвост.

— Есть ли возможности дипломатического урегулирования ситуации, связанной с украинским кризисом?

— Ответ — да, такие возможности есть. Дипломатия предназначена для того, чтобы разрешать спорные ситуации, а не усугублять их. К сожалению, то, что мы сейчас видим и видели раньше, показывает, что масса возможностей прекратить эскалацию не используется. Например, бывший президент Янукович признался, что перед «Майданом» он много общался с послом США, а российского посла они не видели вообще. Или же взять последнее заявление российского посла в Дании господина Ванина, который пригрозил направить российские ядерные ракеты на суда датского флота.

Год назад возникла нетривиальная для мировой политики ситуация, связанная с присоединением одной части государства к другому — соседнему государству. Первая мысль, которая посещает любого сведущего в международных отношениях, что за таким решением должны последовать мощные дипломатические усилия, связанные с обеспечением дипломатического признания перехода соответствующей территории под другую юрисдикцию. Есть термины международного права, с помощью которых описывается ситуация, когда одна из стран теряет кусок территории (их три: цессия, сепарация либо аннексия). Догадайтесь с трёх раз, какое слово применимо к российской политике в этой сфере.

Наиболее рациональный канал переговоров, идеальный для российской стороны с точки зрения международного права, это признание цессии (уступка одним государством другому своей территории по соглашению между ними) в обмен на репарацию, о чём с марта прошлого года начали осторожно говорить. Думаю, что этот сценарий сохраняет актуальность.

На основании контактов с американскими, европейскими дипломатами можно сделать вывод: они никогда не признают присоединение Крыма к России, но они готовы пойти на признание режима, который сохранялся относительно стран Балтии в послевоенный период.

Возникает вопрос, что делать с Донбассом. Есть Минские соглашения, которые устанавливают, на каких условиях и какие шаги следует предпринять. Их нужно придерживаться, это вопрос переговоров. Это и есть дипломатия.

— Вы пояснили, что нынешний кризис связан не с санкциями и даже не с падением цен на нефть на мировом рынке. Значит, отмена санкций к всеобщему счастью не приведёт. Видите ли вы реальную возможность от слов перейти к каким-то действиям, чтобы уйти от нефтяной зависимости и производить в стране что-то умное?

— Без устранения санкций мы не сможем выйти из ситуации кризиса. О том, что нужно делать для обеспечения устойчивого развития российской экономики, достижения целей диверсификации, можно говорить бесконечно. И если хотеть, то делать тоже можно. Во всех сферах. Даже в условиях санкций есть совершенно потрясающие вещи, которые «выстреливают» неожиданно.

Например, в России свернулось сотрудничество по всем шельфовым проектам с зарубежными компаниями. По добыче нефти и газа будет просадка. Американская компания ExxonMobile вышла из всех проектов, за исключением двух на Сахалине, которые реализуются в рамках соглашения о разделе продукции (СРП). 10 лет такие контракты клеймили как враждебные, называли их условия кабельными, от которых якобы Россия ничего не получает. Сейчас выясняется, что губернатора Сахалина задержали ровно потому, что в регионе образовалось слишком много денег. Может быть, он их неправильно тратил, но денег там действительно много.

При этом американцы не выходят из этого контракта, замечательно работают. Это к вопросу об институциональных реформах. Соглашение гарантирует нормальные условия сотрудничества с инвесторами, доходы региональным бюджетам, которые нельзя просто так отнять.

Надо смотреть, как будет развиваться ситуация на Сахалине, потому что одна из гипотез — очень хочется «лишние» деньги у него отнять. А в контракте СРП написано, что так делать нельзя. Иностранный инвестор скажет, что нарушается контракт.

И таких вещей много.

Сейчас говорится о поддержке экспорта в рамках импортозамещения. Есть вполне нормальные предложения наряду с шапкозакидательскими, которые обсуждаются. Например, речь идёт о том, как поддержать компании, которые хотят выйти на внешние рынки.

Другое дело, когда политики начинают что-то обсуждать, им хочется перепрыгнуть пропасть одним прыжком. Сесть волшебную таблетку, и чтобы рога отвалились, бицепсы наросли и девушки любили. Как у Мавроди — «всем всё сегодня». Не получается. Надо пошаговую стратегию разрабатывать.

— Сегодня обсуждается возможность амнистии, возврата капиталов, мягкой и бесплатной. Ваше мнение, есть

или нет перспективы у этого явления и будет ли от него положительное влияние для российской экономики?

— Амнистия капиталов представляет собой политический проект, с экономической точки зрения он вообще не нужен. Говорится «амнистия капиталов», но на самом деле это полупринудительная деофшоризация, сопровождаемая обещанием, что «пороть» не будут. Во-первых, у нас обещания «не пороть» никогда не соблюдаются. Во-вторых, если компании хотели работать через офшоры, значит, это им было зачем-то нужно.

Прежде всего через офшоры удобнее проводить сделки слияний и поглощений. Почему бизнес так любит Кипр? Там пошлина — ноль, а защита акционерных соглашений — по англо-саксонскому праву. То, что сейчас объявляется «вражеским», просто позволяет российским компаниям работать.

Хочется что-то перетащить в российскую юрисдикцию для того, чтобы слушались. Чтобы делали не то, что надо для бизнеса, а то, что требуется. Оуществить такой перевод, как обещают, бесплатно — большая проблема. Если следовать требованиям ФАТФ, то бесплатно и бесконтрольно нельзя. Там есть специальные правила (организация требует у клиентов объяснений по сомнительным сделкам с обращением в соответствующие налоговые и правоохранительные органы).

В любом случае издержки будут. Российские компании скажут: мало того, что нас заставляют делать то, что нам не надо, так ещё дополнительные издержки мы на этом понесём.

— Не может ли произойти чудо, когда государство ослабит административное, налоговое, контрольно-надзорное регулирование в сфере малого и среднего бизнеса?

— На самом деле этот фактор уже работает в российской экономике. Давление на МСБ в России существенно ниже, чем в постсоветских странах, где нет нефти и газа. Что может собой представлять давление в этих странах, даёт нам пример Украины времён Януковича, где революцию сделали малые и средние предприниматели, у которых клан Януковича отнимал бизнес. Потому, что там нет нефти и газа и нельзя «сесть на трубу».

Там, где у нас идёт отъём по-крупному, шёл прессинг по мелкому бизнесу. Реально отнимали бизнес у предпринимателей, у которых было по 5-10 рабочих.

Понятно, что, когда исчерпывается налоговый ресурс у «крупняка», в условиях кризиса давить малый и средний бизнес будут.

— На чём базируется управление страной? Та элита, которая страдает от санкций, которая видит своё будущее, будущее своих детей в Европе, что думает? Можете дать прогноз её дальнейших действий, оценить возможность «дворцового переворота», о котором говорят некоторые политологи?

— Я не люблю профессиональных кремленологов. Я не могу комментировать, кто доволен, а кто — нет. Это всё призыва к домыслу (в американском судопроизводстве есть такой термин).

Чётко видно лишь то, что у части российской экономической элиты есть активы за границей. Но у этих же элит гораздо больше активов здесь, в России. Соответственно, они могут выбирать, что терять. Если они заявят громко, что

не хотят потерять за рубежом, могут очень легко потерять здесь, причём, наверное, не только активы. Рационально ли для них как-то озвучивать своё недовольство? Наверное, нет. Могут ли они предпринять какие-то радикальные шаги, исходя из того, кто здесь остался? Тоже нет. Могут ли они повлиять на политический курс? Нет, они ответственны совсем за другое.

Те олигархи, которые есть в России, остались потому, что им поручены определённые сферы бизнеса, управления либо чего-то ещё. Им не поручена внешняя политика. Они не имеют права вмешиваться в соответствующие вопросы. Они это понимают.

Внешняя политика делается умами и руками людей, которые не имеют никакого отношения к тому, что принято называть экономическими элитами. Это не экономические элиты, это другие элиты.

— На ваш взгляд, какой из многочисленных прогнозов экономического развития ближе к истине? На какой из них мы должны опираться в регионе?

— Первый блок — это официальные прогнозы, которые говорят, что спад ВВП будет 3-4%, 12-13% по инвестициям. Есть апокалиптические прогнозы Института Гайдара и ВШЭ, где совсем другие цифры. Я бы выбрал середину — в районе 4-5% ВВП. Это средние цифры между прогнозами ЦБ РФ и ЦМАКП. По инвестициям не хочется верить, что будет минус 15%. Я бы закладывался на минус 12%. Дай бог, чтобы так было.

По доходам населения будет всё очень плохо: уже видна лаговая зависимость. Есть переменные, которые сильно запаздывают. Как правило, показатели безработицы и занятости сильно инерционны, они начинают падать с опозданием на два-три квартала.

По промышленности (это опять же зависит от структуры экономики) картина тоже ещё поменяется. До четвёртого квартала прошлого года все говорили: какой там кризис, «промышленность растет, импортозамещение сработало». А потом выясняется: профинансируали госзаказ «оборонке» — получили прирост. Какое импортозамещение? Это на войну деньги.

— Какие варианты чудес имеют не нулевую вероятность сбыться?

— Факторы, которые могли бы сыграть благоприятную роль, таковы.

Отскок цен на нефть, вполне реален коридор \$60-70 за баррель. Непродление секторальных санкций ЕС в июле, я оцениваю вероятность этого в 15%. Конструктивный подход к урегулированию конфликта в Донбассе, абсолютно не нужного никому.

Если брать более локальные факторы, то отказ от нерациональных трат в пользу эффективной антикризисной политики в краткосрочном плане. К сожалению, у нас опять будет возвращение к антикризисной политике 2008-2009 годов, когда, по сути, все проблемы заливались деньгами. Но всё, что делается Центробанком по стабилизации валютного курса, — разумно.

Есть моменты, связанные с платёжным балансом, с управлением доходами населения. Доходы поддерживать надо. Слава богу, что не успели потратить средства резервного фонда на безумные шоссейно-железнодорожные проекты. Теперь есть шанс эти деньги тратить рационально.